

твердыми коммунальными отходами когда-нибудь действительно станет серьезной задачей городского развития.

Список литературы

1. Никуличев Ю.В. Управление отходами. Опыт Европейского союза. Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН. ЦНИГРП, 2017.
2. Никитина Б.А. «Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного // Вестник Института социологии. 2019. Т.10. №1. С.29-61.
3. Сокол А.Я. Огород на крыше. Электронное издание.: <http://www.fadr.msu.ru/mirrors/www.igc.apc.org/cci/winpubs/rooftop1.html>

Н.Н. Синяев
Самарский университет

МЕТАМОРФОЗЫ ИНСТИТУТА ЮРОДСТВА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ С XIV ВЕКА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В статье выделяются черты, свойственные юродству на территории России как характерному именно для этой территории институту, который (вос)производится и поддается метаморфозам под давлением вызовов времени. Приближаясь к двадцатому веку, юродство во Христе как священное безумие, реализуемое одним человеком, пропадает, однако образ самого юродивого диссимилируется до определенных практик тех или иных слоев общества.

Ключевые слова: юродство, социальный институт, метаморфозы, православие, авангард, перформанс, современное искусство.

N.N. Siniaev
Samara University

METAMORPHOSIS OF THE INSTITUTE OF FOOLISHNESS IN RUSSIAN SOCIETY FROM THE XIV CENTURY TO THE PRESENT

The article highlights the features characteristic of foolishness [Юродство] on the territory of Russia, as a characteristically precisely for this territory, which is (re)produced and amenable to metamorphoses under

the pressure of the challenges of time. Approaching the twentieth century, Foolishness in Christ [Юродство во Христе], as a sacred madness realized by one person, disappears, however, the image of the most holy fool is dissimilated to certain practices that are implemented by certain sections of society.

Keywords: foolishness, social institution, metamorphoses, Orthodoxy, avant-garde, performance, contemporary art.

Юродивый – человек, взявший на себя подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения.

Социальный, или общественный, институт – исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части.

Суть юродства как общественного института в Русской истории сводится не столько к экстравагантному и эксцентричному поведению, сколько к проверке на прочность границ морали, общественного порядка и даже святых образов. Почему именно социальный институт? Юродивые, начиная с самого первого русского юродивого, Прокопия Устюжского, жившего в XIII веке, выстраивают вокруг себя, вокруг своих «Практик юродства» собственные правила почитания и поведения, иной раз юродивые были способны изменять моральный облик того общества, в котором они появлялись, через необычное и экстравагантное поведение, граничащее с безумием.

Прокопий Устюжский считается первым русским юродивым, однако он – не первый в истории. Греческая церковь чтит шестерых юродивых, из которых св. Симеон (VI в.) и св. Андрей (IX в.) получили обширные и очень интересные жития, известные и в Древней Руси. Наши предки особенно любили житие св. Андрея, считавшегося у нас славянином, за те эсхатологические откровения, которые в нем содержатся. О житиях юродивых Г.П. Федотов в книге «Святые Древней Руси» говорит следующее: «Редко находим мы для русских юродивых житийные биографии, еще реже – биографии современные. Почти везде неискusstная, привычная к литературным шаблонам рука стерла своеобразие личности. По-

видимому, и религиозное благоговение мешало агиографам изобразить парадоксию подвига <...> Святой совершает все время предосудительные поступки: производит бесчиние в храме, ест колбасу в страстную пятницу, танцует с публичными женщинами, уничтожает товар на рынке и т. п. Русские агиографы предпочитают заимствовать из жития св. Андрея, в котором элемент имморализма отсутствует. Жития их целомудренно покрывают всю эту сторону их подвига стереотипной фразой: «Похаб ся творя». «Юрод» и «похаб» – эпитеты, безразлично употреблявшиеся в Древней Руси, – по-видимому, выражают две стороны надругания над «нормальной» человеческой природой: рациональной и моральной» [1].

Как мы видим из данного отрывка, поведение юродивого амбивалентно, рядом со святостью бродит не только глупость, но и безнравственность. Юродивые были настолько святы, что казались похабнее иных грешников, юродивые были настолько умны, что казались тупее иных тупиц.

Однако, помимо этого общего места для всех юродивых, в том числе и современных, о которых речь пойдет позже, Федотов выделяет три основных признака юродства на Руси:

1) аскетическое поправление тщеславия, всегда опасного для монашеской аскезы. В этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей;

2) выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния мируж;

3) служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством.

Заметим, что подвигом в полном смысле слова являются лишь первый и третий признаки, второй признак появляется в рассвет юродства, в XVI веке, который ознаменует собой по-настоящему основавшийся институт юродивых, как канонизированных, так и мирских.

Стоит заметить, что в Киевской Руси можно видеть людей, которые юродствовали как бы временно (Исаакий, затворник Печерский, и Авраамий Смоленский), но они не были в полном смысле слова юродивые, а исполняли специфическую аскезу.

Недаром устюжское предание приводит первого русского юродивого из Великого Новгорода. Новгород был родиной русского

юродства. Все известные русские юродивые XIV и начала XV веков связаны с Новгородом. Здесь буйствовали в XIV веке Никола (Кочанов) и Федор, пародируя своими драками кровавые столкновения новгородских партий.

В XVI веке наступает настоящий расцвет института юродства, именно в этот век появляется такой персонаж, как «Иван-дурак». Также XVI век дал России самого известного юродивого – Василия Блаженного.

По народной легенде, Василий был в детстве отдан к сапожнику и тогда уже проявил свою прозорливость, посмеявшись и прослезившись над купцом, заказавшим себе сапоги: купца ожидала скорая смерть. Бросив сапожника, Василий начал вести бродячую жизнь, ходя нагим (как св. Максим) по Москве, ночуя у одной боярской вдовы. Все его парадоксальные поступки имеют скрытый мудрый смысл, связанный с объективным видением правды: они совершаются не по аскетическому мотиву юродственного самоунижения, а с целью высказать ту или иную мудрость.

О почитании св. Василия, канонизированного в 1588 г., говорит посвящение ему храмов еще в XVI столетии и самое переименование народом Покровского (и Троицкого) собора, в котором он был погребен, в собор Василия Блаженного.

На политическую роль юродивых не могли не обращать внимания иностранные гости, которые обращали даже большее внимание на юродивых, чем русские агиографы. В 1588 году Флетчер напишет: «Кроме монахов, русский народ особенно чтит блаженных (юродивых), и вот почему: блаженные, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяют себе, от них тоже отделяются, как это и было с одним-двумя в предшествующее царствование за то, что они уже слишком смело поносили правление царя» [1]. Флетчер же сообщает о Василии Блаженном, что «он решился упрекнуть покойного царя в жестокости». Об огромном уважении русских к юродивым еще в начале XVI века пишет Герберштейн: «Юродивые ходили нагими, средина тела у них закрыта тряпкой, с дико распущенными волосами, железной цепью на шее. Их почитали и пророками – явно обличаемые ими говорили: «Это по грехам моим». Если они что брали в лавке, торговцы еще благодарили» [1].

Из этих описаний иностранцев мы заключаем, во-первых, что юродивые в Москве были многочисленны, составляли особый класс и что церковь канонизировала из них весьма немногих. (Впрочем, ввиду народного преимущественно почитания блаженных установление точного списка канонизованных святых этого чина встречает много трудностей.) Во-вторых, общее уважение к ним, не исключавшее, конечно, отдельных случаев насмешки со стороны детей или озорников, самые вериги, носимые напоказ, совершенно меняли на Руси смысл древнехристианского юродства. Менее всего это подвиг смирения.

После XVI века юродивые остаются важной частью общества, однако церковь их уже не замечает и канонизирует все меньше и меньше. И уже одна из последних юродивых – Паша Саровская, прожившая с 1795 года до 1915, предсказавшая смерть царской семье перед собственной кончиной, была канонизирована лишь в 2004 году, что только лишний раз показывает, что церковь с большой неохотой канонизирует своих юродивых.

До этих самых пор мы говорили о юродствующим, которые были связаны с православием и православной церковью, поэтому их юродство называется «юродство во Христе» или «юродство Христа ради». Однако произошла смена архива дискурсов, свойственная всему XIX веку, и юродивые во Христе оказались под угрозой оказаться в желтом доме, а сами юродивые подвержены более сильному остракизму, чем в прошлые времена. А потому в ответ на дисциплинарные институты критический элемент общества – юродивые – должен быть обязательно встроен в историческую структуру русского общества. И он встраивается через искусство – русский авангард.

Как известно, начало XX века для искусства в России – это пора экспериментов в искусстве. Русский авангард по сути своей продолжал дело юродивых, а именно – исследование границ общественной морали, заигрывание с властью и яростная критика различных прогнивших сторон общества, например, церкви.

Для русского авангарда было свойственно юродство. Один из фронтменов футуризма – Велимир Хлебников – сам выполнял те же функции, что и юродивые XVI-XIX веков. Вот, например, как описывает его Эдуард Вениаминович Лимонов: «Пророки, как известно, бродят по пустыням. В воспоминаниях Петровского рассказывается эпизод, когда Хлебников и Петровский ночевали в

прикаспийской степи, и Петровский заболел. Хлебников покинул Петровского, и на все увещания последнего не бросать его, ведь он может умереть, Хлебников спокойно ответил: «Степь отпоет», и взяв наволочку со стихами удалился. В этом эпизоде все по-христиански и по-апостольски просто и скупо. Этот эпизод как бы из Евангелия и скупая реплика: «Степь отпоет!» достойна окрестностей Тивериадского озера или каменной Галилеи. И не жестокость увела Хлебникова от Петровского, но апостолическое служение делу его – созидания хлебниковского поэтического мира...» [2].

Велимир Хлебников – это один из переходных периодов от старого юродства во Христе к гиперинтеллектуальному юродству современного типа. Хлебников уникален тем, что вмещает в себя признаки обеих эпох.

Фигура Казимира Малевича в этом контексте примечательна тем, что он впервые пытается осмыслить изменившийся социальный мир в новых подходящих для него терминах. Малевич, помимо составления картины взаимодействий институтов в мире модерна, в книге «Мир как Беспредметность» выделяет четыре типа людей, по их отношению к беспредметному:

1) материалисты, поработанные практической пользой, которые сделали ее для себя идеальной;

2) идеалисты (поэты), для которых беспредметное является целью, но оно постоянно ускользает от него, так как они сами являются физическими идеалистами, старающиеся превратить беспредметное в предметное;

3) больные, галлюцинаторные поэты, стремящиеся в своем галлюцинаторном сне раствориться в беспредметном: «В погоне за галлюцинационным предметом в своем представлении и теории числового расчета, человек разбивает себя, тонет, взрывает, удушается»;

4) заключенные, совершившие с собой то, что хотели больные и помещенные в тюрьмы и психиатрические дома [3].

Экстравагантное поведение юродивых во Христе было способом сообщения миру какой-либо вести или выведения на чистую воду, выделения из серости повседневной жизни какого-то аспекта социального мира, ранее не доступного обозрению. В XX веке эту функцию взяли на себя жанры перформанса и хеппинга, в которых активно участвовали русские футуристы (они же и

зародили этот жанр), в частности, Владимир Маяковский, который активно участвовал в хеппенингах. Перформансы – это научные эксперименты, которые призваны вопрошать не физическую природу, но социальную при помощи заранее закриптованных рационально действием. Этим открытием футуристы утверждают новый метод экспериментального изучения социальной жизни, но это тема для отдельной работы.

После авангардного начала XX века начинается тоталитарная ее часть. В это время происходит уход юродивых из городов в сельскую местность. В «Сказках Деда Егора» рассказывается о том, как юродивые, прибыв в глубинку, жили среди обычного деревенского люда и развивали местный фольклор, добавляя в них то обряды, то различные мистические случаи.

В это время идеалы просвещения доходят до СССР уже в виде прокисшего проекта, который порождает только один вид свободного человека – человека, недовольного результатами просвещения. В России же происходит распространение антииррационализма и антипросвещенчества.

Петер Слоттердаик в книге «Критика цинического разума» рассказывает, что современный цинизм есть порождение просвещенческого разума и безмерного размера скуки, который, вступая в противоречие с проектом просвещения, поступает дурно, зная, что он так поступает. Как спасение от такого положения дел, Слоттердаик предлагает вернуть смех на арену философского дискурса, а также различные практики исследования человеческого поведения, свойственные... древнегреческим киникам и, в частности, Диогену.

За эту ниточку ухватывается Татьяна Горичева в своей статье «Цинизм, юродство и святость» и сравнивает идеи Слоттердайка с реалиями СССР 60-х годов. Т. Горичева пишет, что откровенное безумие, подтвержденное медицинским дискурсом, говорило о принадлежности человека не только к Богеме, но и к определенному человеческому типу, а также то, что не только Ленинград и Москва, но и такие города, как Харьков, имели своих шизо-идолов.

Далее Т. Горичева, опираясь на рассуждения Жюлья Делеза и Феликса Гваттари, рассказывает, что шизофреник – это сам по себе тип человека, который не способен вписаться в нормализующую среду прокисшего марксизма и именно поэтому является тем революционным элементом, который деконструирует любые

способы кодификации: «Прочтя на Западе книгу Делеза и Гваттари «Анти-Эдип», я поняла, что и здесь происходило нечто похожее. Шизофреник, мигрирующий и блуждающий, идущий все дальше в разрушении социума, был описан авторами как наиболее свободная личность в капиталистическом мире. Он «сжигает» все «коды», он несет с собой «декодированный поток желания».

На пути к юродству Т. Горичева выделяет несколько этапов. Помимо обозначенных выше шизофреников, Исследователь говорит о следующем этапе – протестанствующие, то есть люди, которые вступили в борьбу с идеологическим дискурсом, встав на путь поиска Бога. Следом за протестанствующими идут, собственно, киники, а точнее, те самые практики кинизма, которыми прославился Диоген и ему подобные. Этот тип появляется в тот момент, когда массы, насытившись идеологией и ее критикой, впадают в цинизм – новую современную идеологию [4]. Если цинизм – это «наглость сверху», то кинизм – «наглость снизу».

Затем по пути к юродству идут юродствующие циники. Без прелюдий дадим слово Т. Горичевой: «Этот тип людей распространен более всего у нас, в Советском Союзе. В нем – границы и двусмысленность всякого юродствования. Юродствующий циник разыгрывает «юродивого», зная, что с «дурака» и младенца спросу мало. Юродство помогает убежать от определенности и ответственности, создать защитную реакцию между человеком и социумом. Это циничное юродство держится на рабской зависимости и страхе, оно может варьировать свои тона от высокомерного, не нисходящего до собеседника, кривляния до добровольного шутовства в духе Лебедева, Федора Павловича и прочих героев Достоевского. Такой «юродствующий» – продукт цинизма, его паразит.

После того, как на мировой карте появилась Российская Федерация, юродствование снова стало делом искусства. Возродились практики перформанса на улице и в контакте с общественным порядком. Например, Александр Бренер, который все 90-е «терроризировал» города и российских граждан своими перформансами и иногда выставками, которые всегда были актуальными и преследовали цель, как и раньше, найти ту самую «правду» или справедливость, чего стоит только акция «Ельцин, выходи!».

Олег Мавроматти – еще один художник, прославившийся в первую очередь своими перформансами, самый знаменитый из которых – распятие Мавроматти, когда он с помощью ассистентов пригвоздил себя к кресту. В нынешней России первыми на ум приходят Павленский и Надежда Толоконникова, известные своими провокационными перформансами, которые были освещены на центральных телеканалах и не нуждаются в дополнительной презентации. Более андерграудные юродивые – это, например, Дарья Штрошерер, которая отлично интегрировалась в современный мир интернета и капитализма, имея свой канал со стримами, продавая собственное творчество и не забывая время от времени подтверждать статус юродивой специфическим поведением. Примечательно, что она родилась в столице русского юродства – Новгороде.

Юродивые – это один из важнейших аспектов русской истории, который, как любое культурное наследие, должно быть защищено от забвения или неуважительного отношения, потому что общество лучше всего описывает то, как они относятся к своим сумасшедшим.

Таким образом, можно наблюдать трансформацию института юродства, который проходит путь от посюстороннего святого маргинала до диссимилированного элемента общества, то тут, то там проявляя себя в разных областях в виде присущих только этому институту практик.

Список литературы

1. Федотов Г.П. Святые древней Руси истории [Электронный ресурс] // AZBYKA.RU: сайт Азбука веры. 2008. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (дата обращения: 17.09.2019).
2. Лимонов Э.В. Священные монстры. СПб.: Питер, 2019. 352с.
3. Малевич К. Супрематизм. Мир как беспредметность. СПб., 2016. 160с.
4. Zizek S. CynicismIsASymptomOfIdeology [Электронныйресурс] // Benthe Benelovent. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hr7hr5Pztl0> (датаобращения: 19.09.2019).